

ЗЕЙДИ СМИТ И АЛИ СМИТ - ВАЖНЫЙ СЕГМЕНТ СЕГОДНЯШНЕЙ БРИТАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Фамилия "Смит" распространена в англоговорящих странах не менее^{*)}, если не более, чем "Иванов" в России, и Смиты, вынесенные в заголовок, отнюдь не родственницы, хотя и имеют много общего: обе успешные писательницы, обе номинированы сразу на три литературные премии за произведения 2005-го года, ни одна не получила желанного Букера, но каждая забрала по одной награде из следующих по весомости за Букером: Али Смит получила Уитбрета, Зейди Смит - Оранж [6].

Эта наша статья - первая из двух "смитовских" статей - о Зейди Смит. Писательница обозначается в блербях как "уроженка Лондона" - см. напр. [9; 10; 11]. Она родилась от смешанного черно-белого брака, выросла в северном Лондоне, в разноцветной толпе, и знает о межрасовых отношениях не понаслышке. Ее третий роман "О красоте" [10] вновь, как и за пять лет до него, в ее дебюте "Белые зубы" [11], основное внимание уделяет этой больной, не имеющей однозначного решения проблеме - сосуществованию разных рас и этнических групп, волею судеб разделяющих единое пространство.

Между первым и третьим романами прошло пять лет^{**)}. Зейди, родившаяся в 1975 году, перешла тридцатилетний рубеж, но проблемы, тревожившие общество во время ее подросткового неконформизма и отраженные в ее дебютном произведении, не ушли.

"О красоте", как и предыдущие книги автора, очень подробна и включает достаточно большое количество второстепенных и фоновых персонажей, описанных тщательно и детально, что существенно увеличивает объем книги и приближает Зейди Смит к "полутысячникам", т. е. к авторам, произведения которых насчитывают около 500 страниц.

^{*)}Ср.: "Смит - очень распространенная фамилия в Великобритании и США часто используется в случае сокрытия истинных имен: "Они зарегистрировались в мотеле как М-р и М-сс Смит" [7, 495]. Ср. также популярный фильм 2006 г. "М-р и М-сс Смит", заголовок которого должен был иронично подчеркивать неординарность своих супергероев.

^{**)}За это время вышла ее вторая книга - "Собиратель автографов" (*The Autograph Man*), которая оказалась единственной, переведенной на русский язык до настоящего времени [2].

"О красоте" - это эпическое повествование, разрабатывающее две темы, близкие автору по разным причинам. Одна - это межрасовые отношения в обществе, заявившем себя как демократическое, вторая - это будущее Великобритании, которое формируется системой ее высшего образования. Обе темы непосредственно связаны с личной и профессиональной жизнью автора и известны ей изнутри. Обе показаны на примере судьбы членов двух семей, вынесенных в центр конфликта, поэтому в определенной степени обсуждаемый роман З. Смит можно рассматривать как семейную сагу - *family saga*, но также, как и роман становления - *Bildungsroman*, ибо дети каждой семьи проходят этап взросления на глазах у читателя.

Одна семья из двух, занимающих внимание автора и читателя, в определенной степени похожа на семью самой З. Смит: Говард Бэлзи, белый профессор довольно престижного американского университета, вот уже 28 лет успешно женат на Кики - величавой (она весит 250 фунтов) пра-правнучке раба из Флориды, владелицы и хозяйки комфортабельного дома в хорошем районе. Она - медсестра (*Registered Nurse*), у них трое детей - не уверенный в себе, стеснительный Джером, умная, прагматичная, неженственная, резкая, честолюбивая, "идушая в науку" Зора и юный, эмоциональный, очень открытый и бескомпромисный 17-летний Леви, еще школьник. Для него проблема расовых предпочтений не стоит: он идентифицирует себя только как черного и яростно защищает и поддерживает "братьев" (*brother; bro* - единственное обращение друг к другу среди черной молодежи) из Анголы, Доминиканской республики, Гаити, Марокко, легально или нелегально наводнивших северный Лондон, превративших его улицы в "толкучку", где с разложенных на асфальте простыней они продают сумки "Гуччи, Прада и Дольче-Габбана"¹. Идеализирующий это пестрое "братство" Леви придает продаже подделок определенный шик, называя процесс *hustling*, и повышая мелких мошенников в ранге до ганстеров и шоуменов: *It's a beautiful thing, man! We hustling! The words Levi liked to apply to their situation - Hustler, Gangsta, Playa* (245)

^{*)} Наши туристы, недавно побывавшие в крупных городах Италии, отметили массовое засилье улиц Флоренции, Равены, Милана подобными "простынными" продавцами (TV "Вокруг света", 20. X.06).

^{***)} Здесь и далее иллюстрации приводятся по [10].

Выросший в либеральной семье, *soft and open*, (355) Леви с головой окунается в ненависть чернокожих нелегалов: *He was overwhelmed by the evil that white men do to black* (ibid). Юный максимализм Леви

доводит его до криминального результата, который гасит мудрая, все понимающая мама Кики.

С дочерью Зорой сложнее, ибо "абсолютная женщина" Кики (84) не может понять родную дочь, забывшую о своем естестве и направившую всю свою энергию не в женское, понятное Кики, но в другое - чужое - русло академических и политических интриг. Что делать с ребенком, которого ты не понимаешь, и который не понимает тебя? Этот риторический вопрос висит в воздухе с античных времен, но столь почтенный возраст не сделал его более понятным и разрешимым для человечества. Не могут его решить и герои З. Смит - общих правил нет. Каждый живет по своим. Попытка "отцовской помощи Джерому" окончилась серьезной душевной драмой молодого человека, который, в конце концов, ищет утешения в религии.

Леви, "младшенький", тоже уходит от родительского одобрения, приятия, совета - в свою жизнь, без сглаженных углов и конформизма.

Конфликт отцов и детей в семье Бэлзи - не единственный. Между мужем и женой, впервые за 28 лет, пролегла глубокая трещина: Кики дважды убедилась в неверности мужа и готовится к бракоразводному процессу.

Глава второй семьи - первый чернокожий доктор искусствования, не только приглашенный на работу в Оксфорд, но и получивший пэрство, сэр Монтегю (Монти) Киппс, находится в давней профессиональной и политической оппозиции к Говарду Бэлзи. У него двое детей, тяжело болеющая жена и интрижки на стороне. В расовый конфликт Киппсы вовлечены весьма парадоксально: сэр Монти, чернокожий из Тринидада, яростно доказывает на всех публичных форумах, что программа специальной поддержки афроамериканцев, подписанная в 1964 году после бурного десятилетия их борьбы за свои права, унижает их достоинство и должна быть отменена - *it's time to do away with affirmative action as denigrating one's personality* (326).

Расовую проблему можно считать сквозной и определяющей для творчества З. Смит. В данном романе она задана заголовком и структурно поддержана одноименным стихотворением "*On Beauty*", которое расположено в середине романа и написано профессором кафедры креативного письма Клэр Малкольм, в дни ее бурной рок-хиппи юности*¹.

"Красивый" во всей своей синонимической гамме от *attractive* до *stunning* становится сквозной характеристикой чернокожих персонажей. *Black is beautiful* - вновь звучит лозунг 60-х в романе. Вот, например, самородок Карл, *a six foot two athletic black man <... > perfect white teeth, superbly arranged < ... > unbelievably good-looking* (15); несмотря на свои габариты, сохраняет "*нежную, как у младенца, кожу, свойственную ее расе*" (58) Кики. Карлин, жена сэра Монти, страдающая болезнью, отличается стройностью, королевской величавостью осанки и поведения *{she was regal}* и необыкновенной теплотой и проникновенностью в отношениях с людьми - *She took both his hands in her own. At once he felt that things were not as absolutely dire as they had appeared to be twenty seconds earlier* (40).

Дочери Киппсов Виктории всего 18. Она неуравновешена, вспыльчива, но совершенно необыкновенно красива: *stunningly, unbelievably, spectacularly* - постоянные интенсификаторы атрибута *beautiful* при упоминании о ней.

Красота, объявленная в заголовке, представлена, как через внешнюю красоту чернокожих персонажей, так и через присущие им, по мнению автора, чувство собственного достоинства и цельность натуры. Иными словами, внутри- и межсемейные конфликты романа двигают его сюжет, но идейный пафос книги, ее *message*- во внимании к междоусобицам, освещая которые, как мы уже сказали, З. Смит занимает четко выраженную позицию, тем более, что последние стали остро актуальной проблемой и в странах Европы.

Такой же глобальной проблемой, не привязанной к отдельному сообществу людей, профессионально связанных работой в одном учебном заведении, является ситуация с высшим образованием, тревожащая мир по обе стороны океана. Административная несостоятельность руководителей (*But for the secretary, everything would have fallen through* - 268), отсутствие координации в работе представителей одной кафедры, дорогостоящее содержание подразделений (лабораторий, тематических библиотек), не посещаемых ни студентами, ни преподавателями, сплетни и склоки, соперничество амбиций, полное отсутствие интереса к заседаниям совета (ср.: *the priority is to get a chair as near the exit as possible, so as to enable discreet departure halfway through* - 319), реченедержание, при котором сам оратор к концу пассажа забывает его начало (вот, например, конец первой фразы главы самого большого отделения университета - Гуманитарного - открывающей широкий совет в начале семестра и насчитывающей 122 слова: *... and as I say, before we do proceed with what promises to be a really rather packed meeting as far as the printed agenda is concerned - before starting*

I just wanted to speak briefly about the reasons of this repositioning, for it was, as many of you know, not entirely without controversy. Yes. (321). И главное - демагогия и ложь, пронизывающие всю академическую жизнь: пафосные защитники высоких идеалов и ценностей, два семейных профессора Говард Бэлзи и Клэр Малькольм затевают интрижку "как-то просто так" - ему под шестьдесят, ей за пятьдесят. Это не любовь, не страсть, даже не любопытство, просто они оказались "под рукой" друг у друга в какой-то скучный момент и попали в кабинет с диваном. А потом еще и еще раз. *Why? Why? asked Kiki. Claire is our friend. Warren is our friend. How could you do it?* (205).

Эта достаточно банальная ложь - не самое скверное, что имеет место в храме науки. Знаменитый сэр Монти Киппс, который, по выражению коллеги, успешно оседлал оба мира (и белый, и черный) - *straddled both worlds* (161), красноречивый, высокомерный, с пафосом настаивает на отчислении старающейся, но плохо подготовленной студентки Шанталы. Впоследствии выясняется, что девушка была его любовницей, ему надоела, более того - стала неудобной, и отчисление разом решало все проблемы.

Этот же "великий" сэр Монти скрывает завещательное распоряжение жены и присваивает себе дорогую картину, оставленную ею в дар единственному человеку, проявившему к ней участие - жене врага мужа, Кики Бэлзи.

Говард Бэлзи тоже скомпрометировал себя связью со студенткой - не мог устоять перед красотой Виктории Киппс, дочери его врага, первой любви своего сына.

Что дает подобная профессура студентам? Какие уроки выносятся из храма науки? Что предпринять, чтобы изменить ситуацию?

Зейди Смит не отвечает на эти вопросы. Она только ставит их, привлекая к ним внимание читателя мастерством характеристики персонажей - яркая, необъятная, взрывная Кики, мудрая и величественная Карлин, вздорный тиран сэр Киппс, либеральный и трусоватый болтун профессор Бэлзи, амбициозная и агрессивная Зора, ее старший брат, мягкий и нерешительный Джером, адепт "черного братства" Леви, "певец из народа" красавец Карл, развращенная своей красотой, капризная Викториа - эти и другие персонажи отличаются выпуклой индивидуальностью внешности, характера, речи. Две профессорские семьи противопоставлены друг другу. Их главы - идейные и профессиональные враги: Говард Бэлзи - белый либерал, который всю жизнь пишет монографию о творчестве Рембрандта, Монти Киппс - черный консерватор, не признающий ни политики *affirmative action*, ни взглядов своего оппонента на Рембрандта. Их жены - тоже полная противоположность: Кики иррадирует полноту

жизни, Карлин умирает, иссушенная болезнью. Их дочери - честолюбивая девственница Зора Бэлзи и красавица с отсутствующими моральными принципами Виктория Киппс, так же, как и их сыновья - преуспевающий конформист Майкл Киппс и романтический Джером Бэлзи - тоже антиподы.

Однако эти две абсолютно различные семьи, судьбы которых и составляют сюжетную канву романа, идентичны в одном - во лжи, пронизывающей их внутрисемейные и профессиональные отношения. Ложь присутствует в произведении повсеместно, в большом и в малом, и роман, в этом смысле, скорее следовало бы назвать не "О красоте", но "О лжи".

Тогда ложь, разъедающая общество на разных его уровнях, стала бы во главу угла, приобрела бы приоритет над проблемой межрасовых отношений.

Но Зейди Смит избрала последнюю, и показала свое отношение к ней через "одну из самых субъективных характеристик, которыми человечество наделяет своих представителей - красоту" [8, 5]. Как уже говорилось, слова ЛСП *beauty (beautiful)* используются в тексте преимущественно в описаниях внешности чернокожих персонажей, выступая определенным противовесом установившимся канонам европейской красоты, во-первых, и открывая пути к красоте внутренней (как, например, у Карлин или Джерома), свойственной, по утверждению автора, чернокожим, во-вторых. Однако, основное объяснение авторского выбора можно усмотреть во вставном тексте - стихотворении *On Beauty*. Написанное белым стихом и довольно выпендренное, оно повторяет мысль о том, что красота не оберегает от страданий - *the beautiful don't lack the wound*, и что разговорами делу не поможешь - *speech is beautifully useless* (153).

Если рассматривать стихотворение как ключ к двум основным проблемам романа - все еще существующей расовой несправедливости (чернокожие прекрасны, но они все еще страдают) и прогнившему состоянию академического мира, захлебнувшегося в пустословии (прекрасные, но бессмысленные речи), можно понять решение автора выбрать именно "красоту", которая дает возможность осветить обе проблемы.

Несколько слов о структуре и стилистике романа. Сравнивая его с предыдущими, можно сказать, что для З. Смит характерна неспешная, обстоятельная манера повествования, с подробной характеристикой каждой ситуации и ее участников, с речевыми портретами, индивидуализирующими персонажей. Последнее было отмечено критиками, рассматривавшими ее романы [4; 6]. Действительно, Зора, например, тяготеет к округлым завершенным фразам с использованием "ученых" слов - *I just*

don't see why my opportunity for advancement in the creative fields should be stymied (146). Или: *It would be horrendous, having him refracted through her features* (226). Леви, наоборот, изъясняется более, чем лаконично: *'Eyeano, he said, that strange squelch of vowels being his most frequent response to any question* (24);

'Do you know where I can find a pen and paper?'

'Eyeano. Drawer?' (84).

Его основное обращение - *man*, независимо от пола собеседника: *He freed himself from his mother 'Wait, man, I got to go out'* (201); *'Mom, tell him to stop, man'* (63).

Молодежный цветной жаргон настолько глубоко вошел в его речь, что его не понимают родители - представители другого поколения, им необходимо объяснение, что многократно повторенное *'Scene!'* (75-76) - это, оказывается, выражение восторга, а *'Street'*-уважительного восхищения: *'You wait in line, you're a fool. A brother don't need gate - he jumps the fence - that's street, said Levi. 'Again, please? 'said Howard.*

'Street, street', bellowed Zora. 'It s like "being street "<...>. In Levi's sad little world if you 're a Negro you have some kind of a mysterions holy communion with sidewalks and cimners'. 'Aw, man, shut up. You don't know what the street is you ain't never been there <...> You go into the Bronx, that's America, that's street!' *I wonder, if I'm street', mused Howard* (62). Помимо выпуклых речевых характеристик для З. Смит, ведущей повествование от III л. ед. ч., свойственно включение собственного голоса - прямого обращения к читателю, что нарушает темпоральную структуру нарратива и вводит так называемое "авторское" время - *desk-time*, т. е. не время другого (прошлого или будущего) действия создаваемого мира, но сегмент реального времени "писания" романа - например, предваряя поворот сюжета, автор от своего имени сообщает: *We must now jump nine months forward, and back across the Atlantic Ocean* (42). Одной из основных функций *desk-time* является эксплицирование намерений автора [1].

Эту же функцию призваны выполнять эпитафии, предваряющие развитие сюжетных событий и перспективно направляющих внимание читателя в нужную автору сторону. В романе З. Смит три части. Каждая из них снабжена собственным заголовком и собственным эпитафией. Здесь, правда, следует сказать, что их источники и их понимание автором носят весьма камерный, личностный, характер. Например, последняя часть, основная по объему и составу происходящего, озаглавленная *On Beauty and being wrong* (р. 275-443), предлагает в качестве эпитафии цитату из

малоизвестного источника, которая не убирает множественность возможных трактовок такой важной для автора красоты, но, наоборот, размывает их в общефилософском звучании: *When I say I hate time, Paul says how else could we find depth of character or grow souls?*

(Mark Doty).

Как и предыдущие произведения З. Смит, "О красоте" отличается широким использованием вставных текстов - лекций, электронных посланий, записок, стихов, публичных выступлений, песен, дневниковых записей. Этот наиболее откровенно заявленный тип интертекстуальности, используемый прежде всего для придания достоверности событиям и действующим лицам создаваемого автором вымышленного мира, вообще характерен для современной прозы.

"О красоте", как отмечают некоторые критики, демонстрирует сильную и не всегда разумно используемую привязку-*faulty connections* - к известному роману Дж. М. Форстера *Howard's End* [3], таким образом "разъедая" последний - *cannibalizing it* [5, 40]. Действительно, в произведении Дж. М. Форстера, написанном почти сто лет назад (1910) и ставшем британской классикой, тоже враждуют/соседствуют две семьи, члены которых подробно выписаны и действия которых сопоставимы с коллизиями З. Смит. Более того, открывающие романы первые строчки почти идентичны, разве что с поправкой на технический прогресс. Ср.: *One may as well begin with Helen's letters to her sister* (Forster) и *One may as well begin with Jerome's e-mails to his father* (Smith). Однако, отметив этот пассаж, критики все же доброжелательно оценили последний роман молодой писательницы, что вылилось и в получение литературной премии, и в увеличение состава читателей, и, соответственно, рост тиражей.

Али Смит - писательница с другой историей, другими темами, другой стилистикой письма. Но о ней - в другой статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Обелец Ю. А. Темпоральный аспект воображаемых миров художественного текста// Мова і культура. - Кшв: ВД Дм. Бураго, 2004. -Вип. 7. - Т. VII, ч. 1. -С. 5-10.
2. Смит З. Собираетел автографов. - М.: Амфора, 2004. - 420 с.
3. Forster J. M. *Howard's End*. - Penguin Books, 1966. - 308 p.
4. Kelly S. *The Autograph Man*, by Zadie Smith // Independent. Sunday Edition. - 2002. - Sept. 25. - P. 38-39.
5. Kemp P. *Faulty Connections* // The Sunday Times. Culture. - March 2006. - P. 39-40.
6. Nan E. *Favourite Wins Third Prize for Third Novel* // The Sunday Times. Culture. - 2006. - June 7. - P. 37-38.
7. *Oxford Guide to English and American Culture*. Oxf. - UP., 2001. - 598 p.
8. Pomeroy S. *Goddesses, Whores, Wives and Slaves*. - N. Y.: Carlson, 1975. - 188 p.

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

9. Smith Z. *The Autograph Man*. - Hamish Hamilton, 2002. - 468 p.
10. Smith Z. *On Beauty*. - Hamish Hamilton, 2005. - 443 p.
11. Smith Z. *White Teeth*. - Penguin Books, 2000. - 542 p.